

Летняя ночь, город Цзин.

Зной, стоявший весь день, с приходом темноты не рассеялся, а навалился на город тяжелой, липкой и влажной пеленой. Гора Фэнлин, с которой открывается вид на огни ночного Цзина, сейчас казалась чужеродным элементом на фоне шумного мегаполиса. Густая тьма, словно пролитые чернила, поглотила звезды и лунный свет, окрасив горный хребет в мертвенно-черный цвет. Воздух был удушливо жарким, а монотонное, настойчивое стрекотание насекомых в глубине леса лишь усиливало раздражение. В лесу стоял запах влажной земли и гниющих листьев, смешанный с испарениями, что создавало странное, жутковатое ощущение сладковатой гнили.

В самой чаще, где не было видно ни зги, тишину внезапно нарушил шорох. Это был не естественный шум листвы от ветра, а быстрые, сбивчивые и явно панические шаги. Вслед за ними послышалось тяжелое, почти срывающееся на хрип дыхание — каждый вдох давался с трудом, словно воздух вырывали из глубины горла с предсмертным отчаянием.

Бам!

Глухой удар, сопровождаемый коротким вскриком боли. Фигура тяжело рухнула рядом с узловатыми корнями деревьев, разбрызгивая грязь и мокрую листву.

Это была молодая женщина. Даже в столь жалком состоянии можно было разглядеть ее приятные черты лица. Однако сейчас оно было перепачкано темно-красной кровью, а в некогда ясных глазах застыл первобытный ужас, зрачки расширились почти до потери фокуса. Она открыла рот, издавая хриплые, свистящие звуки, похожие на работу дырявых мехов, но не могла выговорить ни слова. Луна скупилась на свет, но если присмотреться, можно было содрогнуться: ее рот был пуст — мягкий орган, который должен был там находиться, исчез! Острая боль и пронизывающий до костей страх заставили ее сжаться в комок, пытаясь втиснуться в густую траву и тень от ствола, словно это могло спасти ее от невыразимого ужаса, преследовавшего сзади.

В десяти метрах от нее.

В глубине тьмы беззвучно замерла фигура. Невозможно было разобрать ни телосложения, ни черт лица — казалось, этот человек сам был частью сгустившейся тьмы. Единственное, что удалось заметить — предмет в его руках, который в абсолютной темноте холодно и остро поблескивал. Этот свет не нес тепла, от него веяло жутким холодом, словно от клыков ядовитой змеи, безмолвно возвещающих о близости смерти.

Сжавшееся тело женщины задрожало, хрипы в горле стали чаще, напоминая предсмертный стон раненого зверька. Она тщетно пыталась издать хоть какой-то звук, но из горла вырывался лишь прерывистый воздух.

Черная тень пришла в движение.

Ни бега, ни прыжков — лишь призрачное, бесшумное скольжение в сторону дерева, за которым пряталась женщина. Пять шагов... четыре... три... С каждым шагом воздух вокруг словно застывал. Несмотря на разгар лета, от приближающейся фигуры веяло могильным холодом, от которого, казалось, замерли даже насекомые, погрузив всё вокруг в вакуум мертвой тишины.

Женщина отчаянно зажмурилась, тело ее окаменело в ожидании холодного удара.

В тот самый момент, когда тень была всего в двух шагах и рука уже была готова подняться —

— Эй, дружище, в лесу по ночам небезопасно. Амулет не нужен? Гарантирую подлинность.

Чистый голос, прозвучавший сонной ленцой и безразличием, внезапно разорвал застывшую атмосферу смерти. Голос был негромким, но отчетливо прорезал густую тьму, словно камень, брошенный в старый колодец, по которому пошли круги.

Приближавшаяся фигура резко дернулась! Движение было таким неестественным, словно его натянули невидимые нити. Он не обернулся, не стал искать источник звука, даже не проявил ни капли колебания. В следующую секунду он, подобно призраку, стремительно развернулся и с еще большей скоростью беззвучно растворился в глубине темной чащи. Через пару мгновений от него не осталось и следа, словно его никогда здесь и не было. Лишь легкий, едва уловимый холодок в воздухе подтверждал, что это был не мираж.

Шаги стихли, холод отступил.

Женщина, сжавшаяся у корней, продолжала неподвижно лежать, словно не в силах выйти из оцепенения, ее тело продолжало мелко дрожать.

— Эй, девушка, — снова раздался ленивый голос, теперь уже с нотками нетерпения. — Хватит сидеть, иди давай. Вниз по тропинке слева, иди прямо, у подножия горы есть автобусная остановка. Если повезет, успеешь на последний рейс. Две монеты — и ты в центре города, там найдешь полицию или больницу.

Обладатель голоса, по-видимому, не собирался показываться и не горел желанием проверять, что с ней. Послышался шорох одежды о листву и неспешные удаляющиеся шаги в сторону середины склона.

Лес снова погрузился в тишину. Еще более глубокую, чем прежде. Даже насекомые умолкли. Лишь несколько ворон, неведь откуда взявшихся на верхушках деревьев, молча расправили крылья и растворились в ночи. Они не издали ни звука, но этот жест довел до предела жуткое одиночество горного леса.

Середина склона горы Фэнлин, даосский монастырь Юэцзянь.

Небольшой монастырь из синего кирпича с серой черепицей и изогнутыми карнизами в ночи казался лишь размытым силуэтом. Два старых фонаря у входа излучали тусклый, теплый свет, который в окружении густой тьмы выглядел как две упрямые светлячки, едва разгоняющие холод и приносящие капельку человеческого тепла.

Скрип.

Старая деревянная дверь отворилась. Вошла фигура, за спиной аккуратно прикрыв дверь, отсекая беспокойное дыхание ночного леса.

Во дворе, скрестив руки на груди, стоял молодой человек в выцветшей футболке и спортивных штанах, в очках в черной оправе. У него был вид человека, который долго ждал. Его звали Чжао Маньтан, двадцать пять лет, фактический управляющий монастыря Юэцзянь — он отвечал за все хозяйственные дела, отчетность и попытки вытянуть из карманов паломников каждую монету в качестве пожертвований.

— Посреди ночи, не спится? Куда шлялся? — Чжао Маньтан поправил очки. Глаза за стеклами были небольшими, но сейчас он старался вытаращить их как можно шире, и в них читалось недовольство и глубокое подозрение. — Только не говори, что ходил деньги заколачивать за моей спиной? Я тебе полдня звонил, ты не отвечал, я чуть с ума не сошел!

Вошедшим был Чи Сяньчуань. Услышав это, он остановился, бросил на Чжао мимолетный взгляд и медленно вытащил из кармана выцветших джинсов вещь — старенький кнопочный телефон Nokia с крошечным экраном и стертыми кнопками.

— Вот, — он покрутил телефоном перед лицом Чжао, экран был черным. — Сел.

В тусклом свете фонаря внешность Чи Сяньчуаня стала отчетливее. Худощавый, ростом чуть меньше метра восьмидесяти, в свободной хлопковой рубашке и старых джинсах. Мягкие черные волосы чуть отросли, несколько прядей лениво спадали на лоб, полуприкрывая изящные брови. Он небрежно откинул их назад, открыв лицо. Лицо с плавными линиями, бледная кожа, узкие глаза с густыми ресницами, отбрасывающими тень на щеки, прямой нос, бледные губы — всё это создавало образ небожителя, далекого от мирской суеты. Правда, этот образ напрочь портило выражение лени и желания сказать: не приставай ко мне, я хочу спать.

Он сунул телефон обратно в карман и прямоком направился к старому плетеному креслу-качалке посреди двора. Усевшись, он вызвал жалобный скрип кресла. Устроившись поудобнее, он медленно ответил на вопрос Чжао:

— Ходил спасать человека.

— Спа... спасать человека?! — Чжао Маньтан вытаращил глаза так, будто слышал сказку. Он отпрянул на шаг и принялся осматривать Чи Сяньчуаня с ног до головы, словно видел его впервые или пытался понять, не подменили ли его. Спустя пару секунд, с выражением ужаса и

уверенности на лице, он развернулся и со скоростью спринтера бросился к кладовке.

Чи Сяньчуань, прищурившись, проводил его взглядом и промолчал.

Вскоре Чжао вернулся, сжимая в руках блестящий, издававший звуки меч из персикового дерева. Он глубоко вздохнул, принял героическую позу и направил острие меча на Чи Сяньчуаня, выкрикнув:

— А ну, нечисть! Выходи из тени! Верни мне моего брата Чуаня!

Чи Сяньчуань: «...»

Он устало открыл глаза, глядя на то, как Чжао разыгрывает сцену из фильма про экзорцистов, и не смог сдержать усмешки.

— Слушай, Маньтан, — голос Чи Сяньчуаня оставался ленивым, но его слова попали точно в цель. — У тебя болезнь «второго курса» в терминальной стадии? Не хочешь написать роман и спасти мир, вместо того чтобы разыгрывать тут «Историю китайских призраков»? Даже Янь Чися поставил бы тебе дизлайк за плохие декорации и нехватку бюджета у команды реквизиторов.

Чжао опешил от такого напора, рука с мечом зависла в воздухе, а решительное выражение лица сменилось недоумением:

— ...А? Так это правда ты, брат Чуань? — он опустил меч и почесал затылок. — Странно... С чего это ты стал таким сердобольным, чтобы посреди ночи бежать кого-то спасать? Обычно я тебя умоляю нарисовать талисман на богатство, и приходится упрашивать трижды, обещать золотые горы и три порции острого хого, прежде чем ты согласишься взять кисть...

Хотя Чжао был на год старше Чи Сяньчуаня, он называл его «брат Чуань» искренне и привычно. В монастыре Юэцзянь, или, по крайней мере, в представлении Чжао, Чи Сяньчуань был тем самым столпом, на котором всё держалось, хотя большую часть времени этот столп лениво лежал.

Чи Сяньчуань поудобнее устроился в кресле, как ленивый кот, и пробормотал:

— В лесу позади кто-то нарушил покой. Могли убить.

— В лесу позади? Кто-то? — Чжао был еще больше удивлен. Они с Чи Сяньчуанем жили тут уже больше двух лет. Монастырь был в глуши, паломников почти не было, даже птицы сюда не заглядывали. А уж тот лес за горой — место, куда никто не ходит, кроме лесников. Да еще и «могли убить»? Холод пробежал по спине Чжао, он запоздало испугался: — А? Не... не может быть, правда что-то случилось? Вдруг... вдруг там кто-то умер? Может, это из-за меня... — он

машинально коснулся своего лица, вспоминая свою знаменитую «ауру невезения».

Чи Сяньчуань даже не открыл глаз, его тон был таким будничным, будто он обсуждал меню на завтрак:

— Ты, конечно, притягиваешь неприятности, но не до такой степени. Просто внешняя карма, я ее прервал.

Он говорил кратко, словно каждое лишнее слово утомляло его.

Чжао подозрительно уставился на него, пытаясь найти признаки того, что его разыгрывают.

— Правда? Ты не выдумал это, чтобы отвязаться от меня?

Чи Сяньчуань наконец отреагировал: он закатил глаза — нечто среднее между взглядом и полным закрытием век — и медленно поднялся с кресла.

— Да-да-да, — ответил он монотонным голосом, зевая и направляясь к своей комнате. — Конечно. Ты прав.

Не успел он договорить, как скрылся за дверью. Щелчок замка — и он исчез. Чжао остался стоять под тусклым светом фонаря, сжимая в руках меч и глядя на закрытую дверь. Ночной ветер качнул фонарь, тени заплясали на его лице.

— Ну и ну... — пробормотал Чжао и с досадой отнес меч в кладовку. Он вышел на середину двора, посмотрел на кусочек неба, обрамленный крышами монастыря, и снова на дверь Чи Сяньчуаня. На душе было беспокойно.

— Лес... нарушили покой... могли убить... — повторял он шепотом, хмурясь. Хотя Чи Сяньчуань обычно ленив и жаден, в подобных вещах он... кажется... возможно... никогда не шутил? Ветер принес прохладу гор и шелест листьев. Чжао невольно снова посмотрел в сторону леса, где тьма казалась раскрытой пастью. Он вздрогнул, схватил свою миску с лапшой и пробормотал: «Лучше перестраховаться, чем потом жалеть... предки, защитите...».

Чжао поежился, плотнее закутался в одежду и решил, что завтра с утра пораньше пойдет «патрулировать» ту тропинку. А вдруг там и правда осталось что-то нехорошее... Тьфу-тьфу-тьфу! Он потрянул головой, отгоняя дурные мысли. Ведь есть брат Чуань, чего бояться! Он ведь потомок древнего рода, последний хранитель Юэцзяня... хотя этот хранитель сейчас, скорее всего, уже спит и видит во сне красные перцы и звонкие монеты.

Чжао вздохнул и принялся убирать двор. В этом монастыре прихожан мало, а дел — невпроворот. Нужно присматривать за этим «домом», а еще за тем, кто в нем живет — хоть и сильный, но такой ненадежный «брат Чуань».

Ночь стала глубже. Гора Фэнлин снова погрузилась в безмолвие, и лишь два маленьких фонаря на склоне упрямо излучали слабый, но теплый свет. А у подножия горы сияли огни города, который ничего не знал о том, какая драма только что разыгралась в лесной чаще.

<http://bllate.org/book/18779/1822038>